

- Фельдман М. А.* Забастовка на Верх-Исетском заводе 12–13 мая 1927 г. // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002. Екатеринбург, 2002. С. 207–209.
- Хлевнюк О. В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.
- Что сказал пленум Уралпрофсовета* // Рабочий журн. 1924. № 16–17. С. 27–29.
- Шварцман Д.* Пятый пленум ВЦСПС // Вопр. труда. 1928. № 11. С. 27–34.
- Шмидт В. В.* Наши достижения в области труда к десятилетию Октября // Вопр. труда. 1927. № 10. С. 5–19.

УДК 94(47).084.8:32.019.51

М. А. Клинова

ПОНЯТИЯ «КОЛЛЕКТИВИЗМ» И «ИНДИВИДУАЛИЗМ» В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1946–1953 гг.

В статье анализируется содержание статей газеты «Правда» и журнала «Смена» 1946–1953 гг., в которых встречаются понятия «индивидуализм» и «коллективизм». В качестве методов обработки материалов использовались контент-анализ и дискурс-анализ источников. Выявлено, что понятия «коллективизм» и «индивидуализм» характеризовались неравнозначной востребованностью. Они презентовались как антонимы, сопровождалась полярными оценочными характеристиками. Понятие «коллективизм» определялось положительными коннотациями, как признанная форма трудовой деятельности и существования советского человека, в свою очередь, понятием «индивидуализм» стигматизировались различные проявления личности, связанные как с моральными девиациями, так и с дистанцированием от коллектива.

К л ю ч е в ы е с л о в а: индивидуализм, коллективизм, советская периодическая печать, «Правда», «Смена», формирование общественного мнения.

Изучение механизмов формирования сознания граждан является актуальным вектором современных научных разработок, направленных на изучение советской повседневности. Важнейшим источником по данной проблематике стали материалы печатных СМИ. Через тексты и визуальные образы, помещенные на страницах газет и журналов, транслировались идеологические императивы, формировалось отношение к проживаемым реалиям. Сегодня обращение к материалам советской прессы является актуальным трендом исторических разработок, направленных на изучение общественного сознания населения [см.: Буряк], реконструк-

цию имиджа «героев» [см.: Хомякова, Лони́на] и «врагов» советского социума [см.: Богдан; Белоконева; Колесникова; Самотовинский; Куренчанина], формирование образов внешнеполитических событий [см.: Каменская, 2014; Каменская, 2017].

В рамках данной работы мы обратимся к текстам советской периодической печати 1946–1953 гг. с целью выявления характеристик, оценочных суждений и коннотаций, посредством которых на страницах изданий определялись понятия «индивидуализм» и «коллективизм», а также связанные с данными категориями деятельностные стратегии населения.

Для реализации поставленных задач были использованы количественные и качественные методы. Приоритетным количественным методом обработки материала являлся контент-анализ, позволяющий выявить частотность употребления данных понятий на страницах печатных изданий. Количественный анализ дополнялся качественным анализом материалов, что позволило учесть содержательный контекст употребления данных категорий, а также выявить характеристики и оценочные суждения, посредством которых формировалось отношение советского населения к индивидуализированным и коллективным деятельностным практикам.

Источниковую основу исследования составили материалы двух периодических изданий: газеты «Правда» и литературно-художественного и общественно-политического журнала «Смена» за период 1946–1953 гг. Для работы с текстами изданий была использована частотная выборка. Газета «Правда» – два выпуска в месяц (двадцать четыре выпуска в год). Анализировались первый и пятнадцатый выпуски каждого месяца, общее количество рассмотренных материалов издания за 1946–1953 гг. составило 192 выпуска. Журнал «Смена» – выборку составил каждый четвертый выпуск издания (№ 1, 5, 9, 13, 17, 21). Общее количество обработанных материалов «Смены» за 1946–1953 гг. составило 48 выпусков.

Понятие «индивидуализм» на страницах изданий 1946–1953 гг. не отличается высоким уровнем востребованности (таблица), определяясь скорее через негативные характеристики. Так, в очерке А. Первенцева «Береги честь смолоду», опубликованном в журнале «Смена» в 1953 г., приводятся факты проявления индивидуализма. Одним из примеров является молодой человек, мнение которого о себе приводится на страницах изданий: «Я окончил университет, все говорили, что я способный человек... многие удивлялись моим дарованиям. Я определился на работу, где меня начали уважать, ценить и хвалить. Я хочу уйти с этой работы...

**Количественное распределение
понятий «коллективизм» и «индивидуализм»
на страницах изданий «Правда» и «Смена» за 1946–1953 гг.**

Год	Коллективизм (коллектив)		Индивидуализм (индивидуальность)	
	«Правда»	«Смена»	«Правда»	«Смена»
1946	54	8	0	0
1947	48	7	2	0
1948	37	9	1	1
1949	36	12	0	0
1950	110	8	2	3
1951	70	12	1	1
1952	58	9	2	0
1953	37	21	2	3
Всего:	450	86	10	8

я чувствую в себе больше сил, чем я могу их применить в этом месте. ...Здесь такие мелкие люди! Я засохну здесь!» [Смена, 1953, № 1, с. 10]. Индивидуалистическая позиция молодого человека определяется автором как «эгоизм и самовлюбленность» [Там же], а также проявление неуважения и недружелюбия по отношению к коллективу, который его воспитал.

Приводимые на страницах изданий немногочисленные примеры отказа советских молодых людей заниматься неоплачиваемой общественной работой также трактуются как проявления индивидуализма, «спеси и зазнайства» [Там же, № 9, с. 19]. В очерке А. Одинцова «Перемены» приводится сюжет, посвященный обсуждению на комсомольском собрании общественной и трудовой деятельности одного из комсомольцев предприятия: «"Индивидуалист, – с сердцем сказал мастер, – коллектива не признает, ни с кем считаться не желает"... А с комсомольской работой лучше? Ничего и тут не хочет делать. Не место таким в комсомоле» [Смена, 1950, № 1, с. 4]. Как проявление индивидуализма определялось пассивное участие личности в деятельности коллектива, а также деятельностные

практики, ориентированные на личные, а не коллективные интересы. Данные поведенческие модели представлены на страницах отечественных изданий послевоенного периода: «Пуще всего неприятны нам черты индивидуализма, желание подчинить интересы общества и окружающей среды только себе. Индивидуализм рождает самомнение, отрешает от товарищей!» [Смена, 1953, № 1, с. 9-10].

Негативные черты индивидуализма определялись в том числе и по средствам конструирования взаимосвязи данного понятия с системой капиталистического мироустройства. В одном из выпусков «Правды» приводится следующий текст: «Героизм – этот орлиный взлет человеческого духа – становится массовым явлением в социалистическом обществе. Героизм говорит о могучей силе, о молодости, о красоте, о величии этого общества. Не может быть героем буржуа с его мелкотравчатой душонкой, с его звериным, зоологическим индивидуализмом» [Правда, 1948, 1 мая]. Таким образом, в рамках советского дискурса происходит синхронизация понятий «коллективизм» и «индивидуализм» с элементами магистральной антитезы советского дискурса (*мы – они, социализм – капитализм*), в результате чего данные понятия наделялись политизированными оценочными характеристиками и коннотациями.

Неиндивидуальность советского человека подчеркивалась на страницах изданий, позитивно характеризуясь. В одном из сюжетов «Правды», повествующем о заграничной командировке советского корреспондента, читаем следующее: «Переберешь в памяти десятки, сотни глаз и ясно увидишь: подавляющее, решительно подавляющее большинство светящихся, ненасытных этих глаз глядят на тебя с волнением, сочувствием, признательностью, очень часто – с любовью. Не потому, что это – именно ты, личность, индивидуальность, носящая какое-то имя. – Нет. Но потому, что ты – советский человек» [Правда, 1953, 1 янв.]. На страницах «Смены» приводится похожий пример, «правильного» конструирования советской идентичности: «Все шире развертывалась перед ней жизнь. Вот она в составе советской делегации отправляется в Будапешт на Второй Всемирный конгресс демократической молодежи, потом едет в Китай. Она чувствует себя не просто прядильщицей Кулавиной фабрики, она – представительница многомиллионной армии трудящихся страны социализма, представительница самого передового государства, оплота мира во всем мире» [Смена, 1951, № 5, с. 9].

Понятие «коллективизм» отличалось высокой востребованностью на страницах периодической печати послевоенного периода (см. таблицу). Коллективизм презентовался не только как определяющая характеристика

советской идентичности, но и как базовая форма реализации трудовых стратегий советских граждан. Коллективы (бригады, отряды, звенья) активно действовали на страницах «Правды» и «Смены», выступая с отчетами о выполнении планов и норм, обращениями и социалистическими обязательствами. Советский человек являлся неотъемлемой частью трудового коллектива, хотя определенные элементы трудового индивидуализма фиксируются на страницах изданий. В частности, деятельность героев-стахановцев, презентуемая в качестве трудового эталона, представляла собой пример высокоэффективных индивидуальных трудовых практик. Стахановцев награждали и премировали, их имена широко освещались в прессе, публиковались их книги и брошюры. Но несмотря на индивидуальный характер стахановских побед, трудовой индивидуализм не популяризировался в текстах изданий как эталонная жизнедеятельностная и трудовая практика советского гражданина. Индивидуальные успехи хотя и не замалчивались, но непременно должны были стать коллективным достоянием: стахановские методы в обязательном порядке распространялись в трудовых коллективах, а трудовые победы стахановцев тяготели к их осмыслению в русле коллективных достижений. «Правильная» оценка стахановских успехов обозначена в одной из заметок «Правды»: «Каждый наш стахановский успех – не личное дело одного рабочего, инженера, техника, а коллективное достижение, результат воли и настойчивости советских патриотов» [Правда, 1950, 15 февр.].

Характерно, что приоритетность общественного, коллективного не нарушала свободы индивида, скорее трактуясь как сама свобода, свобода советского трудящегося как своего рода «общественного деятеля». В передовице «Правды» читаем: «Трудовой человек... чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. ...Он не просто выполняет ту или иную производственную операцию, не просто варит сталь, добывает уголь, обрабатывает детали машин, он связывает свой труд с общегосударственными интересами» [Правда, 1948, 15 сент.]. Приоритетность коллективных и государственных интересов в личных трудовых стратегиях граждан подчеркивалась на страницах «Смены»: «Молодой слесарь оценивает свой труд с государственной точки зрения. Он понимает, что от его успехов зависит общественный успех» [Смена, 1948, № 1, с. 9]. Картина мира советского человека, конструируемая на страницах отечественной советской периодической печати, исключала внутренний конфликт между коллективными и личными интересами. Возможность данного противоречия снималась посредством максимальной включенности личности в обществен-

ную событийность. Пример проявления такой эталонной жизнедеятельной стратегии приводится на страницах «Смены»: «Простые люди труда преисполнены заботами не только о своей отрасли хозяйства, но живут интересами всей страны» [Смена, 1948, № 9, с. 2]. В результате реализации означенной трудовой стратегии коллективные интересы должны были стать личными, «кровными» интересами каждого советского человека, коллектив – семьей, а рабочее место – родным домом. В одном из номеров «Правды» публикуется высказывание рабочего Трехгорки комсомольца Лапшина: «У себя дома... никто из нас не жмет зря электричество, а наша фабрика для нас тоже родной дом. Поэтому здесь мы также бережно должны расходовать электроэнергию и сырье» [Правда, 1948, 15 сент.].

Неразрывное единство личного и коллективного в картине мира советского человека особенно ярко подчеркивается в сюжетах, построенных на сравнении жизненных стратегий советских граждан и жителей капиталистических стран. В 1948 г. на страницах «Правды» публикуется заметка о стахановце вальцовщике Туртанове, побывавшем на английском предприятии «Дорман-Лонг». «Английский вальцовщик спросил Туртанова, что ему дали курсы. Туртанов ответил: знания. Но этот ответ почему-то не удовлетворил английского вальцовщика. Он стал настойчиво спрашивать, что лично ему, Туртанову, дали знания. Туртанов улыбнулся. Он понял – английский вальцовщик отделяет себя, свою работу, свою жизнь от “Дорман-Лонг и компания”. И, может быть, первый раз в своей жизни, беседуя с живым советским стахановцем, он хочет понять, почему советский вальцовщик с такими же рабочими, как у него, руками, связывает свою работу, свою личную жизнь с заводом, на котором он работает» [Там же, 1 мая].

Понятие коллективизма актуализируется и в рамках сюжетов, посвященных проблематике целей трудовой деятельности советского населения. Ориентация труда на достижение личных материальных благ или личного карьерного роста не фигурирует на страницах печати в качестве одобряемой трудовой мотивации. Приоритетные позиции в контексте «правильной» жизненной стратегии занимает ориентация труда на благо общества, народа: «Молодой крестьянин! ... Для всего народа он растит хлеб на полях» [Смена, 1948, № 5, с. 2]; «Труд на благо народа возвеличивает в нашей стране человека» [Смена, 1952, № 9, с. 2]. Также достаточно распространенной формой «правильной» трудовой мотивации является ориентация трудовой деятельности на благо Родины (государства, страны): «Трудиться на благо своей страны... значит каждый день, каждый час умножать ее силу и мощь, непрестанно двигать вперед ее экономику,

культуру, науку» [Смена, 1949, № 1, с. 2]; «Мы, колхозная молодежь, заняты созидательным трудом во имя любимой Родины» [Смена, 1950, № 9, с. 6].

На страницах периодических изданий послевоенных лет в рамках конструируемой модели «правильной» жизненной стратегии советского населения презентуется тезис о том, что труд на благо общества является источником счастья советского гражданина. Данный аспект взаимосвязи личного и коллективного раскрывается в очерках, текстах писем и интервью с советскими трудящимися, опубликованными на страницах «Правды» и «Смены» послевоенного периода. Так, учащаяся ремесленного училища С. Скворцова в своем письме, опубликованном в газете «Правда», пишет: «Большим счастьем для меня... будет сознавать, что в каждом паровозе, в каждом корабле есть и моя, хотя бы небольшая, доля труда» [Правда, 1949, 1 авг.]. К. Моисеева в очерке «Год 1949», помещенном в журнале «Смена», отмечает: «...как же не оценить нам счастья советского человека, когда... только от него... – труженика социалистического общества – зависит... успех всей страны?!» [Смена, 1949, № 1, с. 2].

Таким образом, анализ материалов советской периодической печати послевоенного периода позволяет прийти к выводу, что понятия «коллективизм» и «индивидуализм» характеризовались неравнозначной востребованностью. Они презентовались как антонимы, сопровождаясь полярными оценочными характеристиками. Понятие «коллективизм» определялось положительными коннотациями, как признанная форма трудовой деятельности и существования советского человека, в свою очередь, понятием «индивидуализм» определялись различные проявления личности, связанные как с моральными девиациями, так и с дистанцированием от коллектива.

Белоконева А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.

Богдан О. В. Образ войны и образ врага в газетах Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Инновационные тенденции развития российской науки : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. мол. ученых, посвященной году экологии и 65-летию Красноярского ГАУ. 2017. С. 78–80.

Буряк Е. М. Пресса конца 1950-х – начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 269–277.

Каменская Е. В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестн. Перм. ун-та. 2014. № 4 (27). С. 159-167 (Сер. История).

Каменская Е. В. Пограничный конфликт на о. Даманском 1969 г.: образ события в советской прессе и его восприятие населением // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 354–370.

Колесникова А. Г. «Образ врага» в советской пропаганде периода «холодной войны»: от события к образу // Приволж. науч. вестн. 2011. № 3 (3). С. 30–35.

Правда. 1946–1953.

Самотовинский Д. В., Куренчанина О. В. Начало «холодной войны» и формирование образа внешнего врага в советской прессе (1945–1947 гг.) // Вестн. гум. фак. Иванов. гос. хим.-технол. ун-та. 2008. № 3. С. 322–325.

Смена : обществ.-полит. журн. 1946–1953.

Хомякова А. С., Лонина С. Л. Образ Юрия Алексеевича Гагарина в прессе СССР // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. Т. 2, № 7. С. 273.

УДК 94(438).083+94(47).084.9:327

Е. В. Каменская

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ в 1981 г.

(по страницам советской центральной и региональной прессы)

В статье рассматривается освещение в советской центральной и региональной печати введения военного положения в Польше в декабре 1981 г. — наивысшей фазы польского кризиса 1980–1981 гг. Основное внимание уделено выявлению ключевых способов подачи материала, основных тем и сюжетов, определению изменений в показе конфликтов внутри социалистического мира. Проводится сравнительное исследование центральных изданий, анализ публикаций региональных газет на примере прессы Свердловской области.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военное положение в Польше, польский кризис, советская пресса, региональная пресса, внешняя политика СССР.

Конфликт в Польше в 1980–1981 гг. и последующее введение в стране военного положения в декабре 1981 г. явились одним из самых сложных кризисов в социалистической системе в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Эти события стали предвестником не только трансформации политической системы в самой Польше, но и повлияли на ситуацию в других социалистических странах Восточной Европы. Событие подобного масштаба, происходящее в соседнем с СССР государстве социалистического лагеря, естественным образом стало причиной информационной кампании в советской печати, традиционно много внимания уделявшей внешнеполитическим проблемам и социалистическому содружеству.